Academic Press, 1994. – Pp. 411–446.

15. *Sweigert W.A.* The comprehension of familiar and less familiar idioms // Journal of Psycholinguistic Research. – 1986. – Vol. 15. – Pp. 33–46.

16. *Talmy L.* The relation of grammar to cognition // Topics in cognitive linguistics/Ed. By Rudzka-Ostin B. – Amsterdam; Philadelphia, 1988. – Pp. 162–205.

А.С. Мельков

ИСТОРИЯ ПУБЛИКАЦИИ «ОПИСАНИЯ СЛАВЯНСКИХ РУКОПИСЕЙ МОСКОВСКОЙ СИНОДАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ» А.В. ГОРСКОГО И К.И. НЕВОСТРУЕВА

Преамбула. *Статья посвящена малоизвестному в науке эпизоду из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки. Цензура пыталась запретить издание многолетнего труда, но ученые смогли отстоять интересы филологической науки, дав компетентный и исчерпывающий ответ на цензорскую критику.*

Синодальная библиотека, организованная в 1721 году, составлялась на основе древнерусских собраний. К середине XIX столетия богатства библиотеки весьма возросли. В то время ни одно другое книгохранилище России не содержало столько данных о древних славянских памятниках и материалов по истории славянских языков, сколько таилось в старинных рукописных и печатных актах этой библиотеки [1]. Исключительную ценность здесь представляло собрание славянских рукописей XI–XVIII веков, общее число которых более тысячи и среди которых есть немало действительно уникальных. Между тем этот весьма ценный материал оставался научно невостребованным. За неимением настоящего указателя или каталога к нему им почти невозможно было пользоваться, хотя необходимость введения в научный оборот всего этого рукописного богатства для ученых филологов и историков, с последующим изучением в высшей школе чувствовалась уже давно. Светские исследователи не раз упрекали, и вполне справедливо, духовные власти в их нежелании исправить положение.

Наконец инициативу положительно разрешить возникшую проблему взял на себя митрополит Московский Филарет. По его благословению в 1849 году коренной костромич, профессор Московской Духовной Академии, талантливый педагог, выдающийся археограф и церковный историк А.В. Горский совместно с преподавателем Симбирской Духовной Семинарии К.И. Невоструевым начал работу по составлению описания славянских рукописей Синодальной библиотеки. Все дело описания святитель Филарет поставил под свое непосредственное руководство, официально приняв на себя ответственность за его характер и результаты.

Один из основных интересов этого исследования состоял в разрешении вопроса, который глубоко занимал А.В. Горского в течение долгих лет, а именно: «Как образовалось то собрание библейских книг на славянском языке, которое мы имеем до первых печатных изданий? И в каком виде вообще было известно слово Божие нашим предкам?» [2, II] При описании рукописей Синодальной библиотеки Горский открыл, собрал и обозрел огромный материал и наметил новые перспективы для плодотворной научной работы по генезису и восстановлению первоначального текста славянской Библии. По справедливому и компетентному приговору профессора Г.А. Воскресенского, это «есть, можно сказать, неисчерпаемая сокровищница критически очищенных фактов для истории священного библейского текста» [3, с, 50].

История славянского библейского и богослужебного текста постоянно затрагивается Горским на протяжении всего «Описания». Он доказал, что из ветхозаветных книг Библии были известны в славянском переводе архиепископу Новгородскому Геннадию далеко не все. Остальные книги Ветхого Завета были переведены с латинского языка и расположены не вполне правильно. Вероятно, поэтому книга Есфирь была принята в позднейшем переводе с еврейского. Глубокое знакомство с творениями отцов греческой Церкви дало ему возможность определить историческое значение древних произведений славянской литературы. Так, рассматривая сборник XVI века с творениями священномученика Мефодия Патарского, Горский установил, что древний сла-

 © А.С. Мельков, 2007

вянский перевод сохранил тексты, которые на греческом языке либо известны только в отрывках, либо вообще не известны [4, с, 17–31].

Горский в то же время следил по всем памятникам древнеславянской литературы за самим текстом Священного Писания. Ученый заметил, что древнейшие славянские писатели приводят тексты Писания не согласно с древним оригиналом, а передают его очень часто по своему собственному переводу. Так, рассматривая рукопись XIII века, содержащую славянский перевод «Богословия» преподобного Иоанна Дамаскина, Горский выяснил, что автор перевода – Иоанн, экзарх Болгарский – не только сократил оригинал по составу, но и обогатил его собственными дополнениями. Вместе с тем, передавая цитаты Священного Писания, он воспроизводил их не в готовом кирилло-мефодиевском переводе, а в своем собственном [4, с. 292–307]. Аналогично поступал Константин, пресвитер Болгарский, когда переводил поучения святителя Иоанна Златоуста на воскресные дни; более того, он даже в своем труде под именем Златоуста поместил собственное сочинение [5, с. 9].

Таким образом, Горский установил следующую закономерность: чем древнее памятник славянской литературы, тем более в славянском переводе Священного Писания в силу разнообразных исправлений и переписок накапливается различий по сравнению с еврейскими и греческими первоисточниками [2, XI–XII]. Горский отметил это замечательное явление, поднимая вопрос об объеме и судьбе кирилло-мефодиевского перевода Священного Писания. Во главу угла в «Описании» Горский поставил анализ текста, «причем этот анализ отвечал всем требованиям как филологической, так и исторической науки, которые подкреплялись колоссальной богословской эрудицией ученого» [6, с. 275].

Описание рукописей, при непосредственном участии Горского, тянулось целых 14 лет. Результатом такой долгой работы было появление в печати шести довольно объемистых томов, в которых было подробно описано более 340 книг и рукописей. Первая книга «Описания» вышла в 1855 году. В этом первом томе рассмотрены все славяно-русские рукописи Священного Писания Ветхого и Нового Заветов и, прежде всего, Библия архиепископа Новгородского Геннадия по спискам XV–XVII веков, а так же отдельные списки XII–XVII веков Евангелия, Апостола, Псалтири, Пророчеств и так далее. Рассмотрены они в сравнении с печатными Библиями, начиная с Острожской 1581 года, и параллельно с библейскими греческими, латинскими и еврейскими текстами [2].

Но именно этой первой книге, да и всей обширной серии «Описания», грозила печальная участь остаться навсегда в безвестности. Дело обстояло так. Когда первый том «Описания» был подготовлен, то его окончательный вариант осенью 1852 года был представлен ординарному профессору Санкт-Петербургской Духовной Академии архимандриту Иоанну (Соколову), состоявшему членом Комитета Духовной Цензуры [7, с. 485]. Этот цензор отличался двумя чертами: придирчивостью и полным неуважением к чужим мыслям, вследствие чего он сумел вооружить против себя даже самых безобидных людей [7, с. 486]. И к порученной ему на рассмотрение первой части «Описания» он отнесся со свойственными ему приемами.

Не отвергая научной эрудиции и талантов авторов, цензор именно в их учености и усмотрел опасность для самой Церкви и в своем отзыве принял на себя обязанность не допустить выхода книги в печать. Два пункта в «Описании» показались ему особенно крамольными и неблаговидными: 1) убедительные доказательства того, что во всем множестве славянских списков Священного Писания авторы не нашли ни одного исправного; 2) указание на то, что полное собрание Ветхозаветных книг на славянском языке появилось на Руси в XV веке с заимствованиями из Вульгаты, латинских и немецких изданий. Первый тезис цензор считает хулой на Русскую Церковь, наводящую на мысль, что в продолжение нескольких веков наша Церковь не имела слова Божия в чистом, целостном виде, а принимала и благовествовала его в поврежденном виде [8, с. 493]. Второй пункт он находит неблагоприятным для суждений о Русской Церкви, особенно со стороны инославных конфессий, и неблаговидным, неполезным для всеобщего чтения [8, с. 495]. Сама же попытка ученых описателей критически исследовать славянский текст Библии представляется цензору дерзостью, посягающей на Священное Писание: «Описатели предложили в своем труде цель, не только собственно библиографическую, но учено-критическую. Если бы они ограничились одной первой целью, то довольно было бы описать время и место происхождения каждой руко-

писи, состав ее, особенности языка… В таком случае несовершенства наших древних переводов Св. Писания не были бы обнаружены, а могли бы быть обличены разве только при нарочитом чтении каждой рукописи, если бы кто захотел читать рукописи в самой библиотеке. Но описатели пошли далее. Они вооружились ученой критикою и стали исследовать и судить о достоинстве самих переводов Св. Писания, сличая их с греческими и другими изданиями его. В таком случае уже невозможно скрыть всех неисправностей в наших переводах Библии. Но нужно ли это в предложенном описании рукописей библиотеки?» [8, с. 495].

Отзыв архимандрита Иоанна поставил вопрос о публикации «Описания» довольно серьезно. При той недоверчивости, с какой в то время относились к научному изданию древнерусских церковных памятников, такой отзыв мог вызвать серьезное сомнение в том, нужно ли и полезно ли такое описание. К счастью для нашей Церкви и нашей науки, дело описания рукописей было близко и дорого митрополиту Московскому Филарету, бывшему не только сильным богословом, но и опытным педагогом и ревнителем просвещения. Святитель поручил Горскому составить подробное объяснение на возражения и требования цензорской рецензии. Горский взялся за дело и уже летом 1853 года после тщательной, кропотливой работы и постоянных консультаций с митрополитом Филаретом, ответ был готов. Сам документ озаглавлен так: «Апология “Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки” и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора)» [9].

В итоге из-под пера Горского вышло то, что с полным правом можно назвать шедевром полемического искусства. В серьезном научном стиле ответ на рецензию архимандрита Иоанна был дан компетентный и исчерпывающий [10, с. 496–515]. Горский с особенной энергией защищает научную постановку труда, непоколебимыми доводами доказывая, что неблаговидным и неполезным для общего чтения рассматриваемый труд может признать только придирчивый взгляд, отягощенный ложными суждениями. На требование цензора устранить научно-критическую составляющую часть Горский отвечает энергичными словами с чувством исполненного долга перед Церковью и наукой: «Под благовидным предлогом прикрытия недостатков древнего текста, рецензия устраняет из описания и все другие исследования: тогда как при известном мнении об утрате первоначального перевода ветхозаветных книг, представляются необходимым вопросы: откуда же взялись у нас переводы ветхозаветных книг в полных списках Библии и в отдельных рукописях? Что составляет первоначальную основу нынешнего нашего кодекса св. книг? В какой мере древние переводы могли удовлетворять спасительному желанию знать Слово Божие? Все эти вопросы, разрешаемые сличением списков между собою ближайшим рассмотрением древности перевода каждой книги, поверкою перевода с подлинником, автор рецензии хочет изгнать из описания под наименованием учено-критической работы. Описание представляет убедительные доказательства, что Пятикнижие Моисеево, книги Иисуса Навина, Судей, Руфь известны у нас в переводе глубокой древности; что текст книг пророческих извлечен из перевода толкований на Пророков, который известен у нас еще в первой половине XI столетия; что также извлечен из древних переводов и текст книги Иова и Песни Песней, что книга Есфирь переведена с еврейского языка. Автор рецензии, не опровергая ничем этих доводов, не хочет дать им места в описании. Ужели лучше оставаться при той мысли, что первоначальный перевод ветхозаветных книг потерян, а новый явился не известно как и когда?» [10, с. 511].

Как видно из всего выше сказанного, цензор отрицает необходимость полноценного научного анализа всего рукописного собрания. В угоду личным амбициям и нездоровой мнительности, автор отзыва отрицает саму возможность использования сравнительно-исторического и критического методов в библейской текстологии, выставляя против истины явный подлог, предлагая сознательно утаивать важные научные факты, низводя само «Описание» до простого библиографического указателя.

Тем же летом 1853 года «Апология» была отправлена в Синод, а в первых числах ноября митрополит Филарет сообщил Горскому через Невоструева, что «представленное в Синод описание разрешено к напечатанию так, как оно есть и защищено вами, без исключения исследования» [7, с. 490].

Так благополучно закончилась история с первой книгой «Описания». Своим благоприятным исходом она обязана блестящим ответом А.В. Гор-

ского на отзыв цензора, но и в не меньшей степени святителю Филарету Московскому. Не будь его во главе всего предприятия, такой цензорский отзыв, как отзыв архимандрита Иоанна, мог вполне погубить все дело. Поручая К.И. Невоструеву преподнести митрополиту первую часть «Описания», Горский писал: «Прошу покорнейше представить ее от нас Святителю, который указал нам этот труд и постоянно руководил нас своими советами и ободрял милостивым вниманием. Мы помним, и будем помнить, что без его сильного слова не видать бы нашей книге света. Представляя книгу, прошу все изъяснить нашему Покровителю смелым голосом чистой, искренней благодарности, чтобы он видел в этом не один формальный обряд, но чтобы в душе его ясно сказались наши чувства» [7, с. 492]. И это искреннее чувство благодарности к святителю Филарету за защиту «Описания», выраженное А.В. Горским, должно быть близко всякому, кто переживает и дорожит успехами русской науки.

Библиографический список

1. *Иконников В.С.* Опыт истории русской историографии. – Киев, 1891–1892. – Т. 1.

2. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. – М., 1855. – Т. 1. – Отд. 1. Священное Писание.

3. *Глубоковский Н.Н.* Русская богословская наука в ее историческом развитии и новейшем состоянии. – М., 2002.

4. *Горский А.В., Невоструев К.И.* Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2. Писания святых отцов. Ч. 2. – М., 1859.

5. *Кириллин В.* Александр Горский и русская археография // Историческая газета. – 1996. – № 0.

6. *Воробьев М.Н.* А.В. Горский и К.И. Невоструев (к вопросу о соавторстве) // Богословский сборник. – М., 1997. – № 1. – Вып. 1.

7. Эпизод из истории описания славянских рукописей Московской Синодальной Библиотеки // Богословский вестник. – 1900. – № 11.

8. Рецензия на «Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки» // Богословский вестник. – 1900. – № 11.

9. Черновой вариант см.: ОР РГБ, ф. 78. к. 9, ед. хр. 2.

10. Апология «Описания славянских рукописей Синодальной библиотеки» и Слово обличительное на отца Иоанна (ныне Казанской Духовной Академии ректора) // Богословский вестник. – 1900. – № 11.

Л.Х. Мисирова

СЕМАНТИЧЕСКОЕ ОСВОЕНИЕ РУСИЗМОВ В КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОМ ЯЗЫКЕ

Балкарский народ в своей истории устанавливал разнообразные связи со многими народами. Результатом этих связей явились многочисленные слова, заимствованные карачаево-балкарским языком из языков самых различных систем. Так, в карачаево-балкарском языке имеются заимствования из арабского, монгольского, кабардинского, осетинского, персидского и др. языков. Но ни один из указанных языков не оказал того влияния на карачаево-балкарский язык, которое оказал и продолжает оказывать великий русский язык.

Известно, что один лишь факт употребления тех или иных заимствований в родном языке еще не означает полного их освоения, во всем совпадающего с функционированием их в языке-источнике. Среди часто употребительных заимствований имеется масса слов, звучание которых сильно изменено приближено к карачаево-балкарской фонетике, но при этом остаются не освоенными многие стороны их семантики, стилистические оттенки, различные нюансы.

Как показывают материалы карачаево-балкарского языка, при заимствовании обычно происходит сужение семантического значения слова, т.е. карачаево-балкарский язык, заимствуя какое-то слово, берет его с каким-то одним или редко с двумя значениями. С одной стороны, это обогащает язык, в нем появляется слово для закрепления того или иного понятия, но с другой стороны, многословие в языке не поощряется, так как трудно бывает воспринять количество слов. Поэтому и существует многозначность слов, часть из которых имеет до десятка значений. Однозначных слов в языке мало, и те являются в основном терминами. Из русского языка главным образом

© Л.Х. Мисирова, 2007